

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
COUR EUROPEENNE DES DROITS DE L'HOMME

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД
АУТЕНТИЧНЫЙ ТЕКСТ РАЗМЕЩЕН НА САЙТЕ
ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
www.echr.coe.int
В РАЗДЕЛЕ HUDOC

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «ЮСУПОВ ПРОТИВ РОССИИ»

(Жалоба № 30227/18)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

1 декабря 2020 года

Настоящее постановление является окончательным, но может быть подвергнуто редакционной правке.

СОВЕТ ЕВРОПЫ
CONSEIL DE L'EUROPE

По делу «Юсупов против России» (Yusupov v. России),
Европейский Суд по правам человека (Третья секция), заседая
Комитетом, в состав которого вошли:

Дариан Павли, *Председатель*,
Дмитрий Дедов,
Пеэтер Роосма, *судьи*,
и Ольга Чернышова, *Заместитель Секретаря Секции*,

Принимая во внимание:

жалобу (№ 30227/18), поданную 6 июля 2018 года в Суд против
Российской Федерации в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите
прав человека и основных свобод (далее — «Конвенция») гражданином
Узбекистана Ойбеком Акрамовичем Юсуповым (далее — «заявитель»);

решение уведомить Власти Российской Федерации (далее — «Власти») о
данной жалобе;

замечания сторон;

проведя заседание за закрытыми дверями 3 ноября 2020 года,

вынес следующее постановление, утвержденное в тот же день:

ВВЕДЕНИЕ

1. Основные вопросы в настоящем деле заключаются в том, является ли депортация заявителя в Узбекистан и обращение с ним со стороны должностных лиц, осуществлявших депортацию, нарушением статьи 3 Конвенции, а также нарушили ли Власти России, не выполнив указание Суда об обеспечительной мере, право заявителя на подачу индивидуальной жалобы в соответствии со статьей 34 Конвенции.

ФАКТЫ

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

2. Заявитель, Ойбек Акрамович Юсупов, 1984 года рождения, является гражданином Узбекистана. Его интересы представляли Д. Тренина, К. Жаринов и Е. Давидян, адвокаты, практикующие в г. Москве.

3. Интересы Властей Российской Федерации (далее — «Власти») представлял М. Гальперин, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.

4. Заявитель приехал в Россию из Узбекистана в 2013 г. В 2014 году он был осужден за преступления, связанные с наркотиками, и приговорен к четырем годам и шести месяцам лишения свободы в исправительной колонии Липецкой области.

5. 13 июля 2016 года власти Узбекистана обвинили заявителя в соответствии с частью 1 статьи 244 Уголовного кодекса Узбекистана в участии в запрещенной экстремистской религиозной организации и возбудили в отношении него уголовное дело. В частности, узбекские власти

утверждали, что:

«... Во время отбывания наказания в исправительной колонии в России [заявитель] познакомился с [Р., который также был заключенным]..., который призвал [заявителя] совершить хиджру [переехать] в Сирию и присоединиться к мусульманским группам, проповедующим идеи джихада..., [заявитель] просмотрел ... видеоролики под названием «Стремящиеся в рай», содержащие советы по созданию Исламского государства, обращения [Й.], бывшего «Амира» данной организации, а также призывы Абдували кори [имама] к хиджре...»

3 августа 2016 года в отношении него было вынесено постановление об объявлении в розыск, и 7 августа 2016 года заочно было вынесено определение о заключении его под стражу.

6. 14 декабря 2017 года власти Узбекистана направили запрос об экстрадиции заявителя из России.

А. Решения Министерства юстиции, Министерства внутренних дел и Федеральной службы безопасности о признании пребывания заявителя в России нежелательным

7. 30 марта 2018 года и 4 апреля 2018 года, соответственно, Министерство юстиции России и Министерство внутренних дел России (далее — «МВД») признали пребывание заявителя в России нежелательным. Заявитель был уведомлен о первом решении 23 мая 2018 года, а 18 июня 2018 года копия данного решения была направлена его адвокату, г-ну Жаринову. 6 июля 2018 года заявитель был уведомлен о втором решении. О втором решении г-н Жаринов был уведомлен в конце июля 2018 года в ходе судебного производства.

8. 28 июня 2018 года заявитель самостоятельно обжаловал решение от 30 марта 2018 года, принятое Министерством юстиции, в Замоскворецкий районный суд г. Москвы, а также просил суд применить временные меры и приостановить его депортацию в Узбекистан. В своей жалобе он указал, что, в соответствии с положениями внутригосударственного права, после вынесения решения о нежелательности пребывания иностранца в России оно направляется в органы по вопросам миграции для вынесения постановления о депортации. Однако ему еще не вручили копию постановления о депортации, которое, вероятно, будет вынесено в ближайшее время и будет немедленно приведено в исполнение. Таким образом, у него не будет возможности обжаловать его.

9. В конце июля 2018 года адвокат заявителя в ответ на свой запрос от 22 июня 2018 года получил письмо из Федеральной службы безопасности России (далее — «ФСБ») от 5 июля 2018 года с указанием о том, что пребывание заявителя в Российской Федерации было признано нежелательным и что в отношении него был введен запрет на въезд в Россию до 2037 года. Копия данного решения не была представлена адвокату заявителя, поскольку, якобы, «оно содержало секретную информацию».

10. 28 января 2019 года Липецкий областной суд в апелляционном

порядке оставил в силе решение Советского районного суда г. Липецка от 30 октября 2018 года, в котором суд отклонил жалобу заявителя на МВД и ФСБ в связи с решениями этих органов.

11. 20 февраля 2019 года Московский городской суд оставил без изменений решение Замоскворецкого районного суда от 6 сентября 2018 года об отказе в удовлетворении жалобы заявителя на решение Министерства юстиции в его отношении.

В. Производство по вопросу о предоставлении заявителю статуса беженца

12. 27 июня 2018 года заявитель подал ходатайство о получении статуса беженца на территории России. В ходатайстве он утверждал, помимо прочего, следующее:

«... В [Узбекистане] мне предъявлены обвинения в антигосударственных преступлениях на почве религиозного экстремизма ...

Из обвинительного заключения следует, что меня обвинили в просмотре запрещенных [экстремистских] видеороликов в исправительной колонии [в России]. Это абсурд, потому что мобильные телефоны и интернет в местах лишения свободы запрещены... Единственным источником этой информации могли быть показания других осужденных, которые отбывали наказание в [той же исправительной колонии], а и теперь сейчас в руках узбекских властей. Это означает, что узбекским властям также понадобятся мои показания, поскольку получение каких-либо других уличающих доказательств невозможно, учитывая характер предъявленных мне обвинений.

... В случае возвращения в [Узбекистан] мне грозит необоснованное уголовное преследование в связи с религиозным экстремизмом, мне грозит жестокое [и] унижающее достоинство обращение во время следствия, и суд надо мной будет несправедливым. Они будут пытаться меня, чтобы добиться признания в преступлениях, которых я не совершал ...»

13. Заявитель также подробно ссылался на доклады международных правозащитных организаций и прецедентную практику суда в отношении принудительного возвращения узбеков, обвиняемых в религиозном экстремизме.

14. 3 июля 2018 года заявитель был опрошен сотрудником миграционной службы в связи с его ходатайством.

15. 5 июля 2018 года миграционные органы отказались рассмотреть его ходатайство по существу. В своем решении они, в частности, указали следующее:

«...в анкете заявитель отметил, что основной(ыми) причиной(ами) его выезда из [Узбекистана] были поиски работы и преследование по религиозным мотивам... По словам заявителя, в случае его возвращения его «будут пытаться, обвинения против него сфабрикованы, у него нет никаких связей с религиозным экстремизмом и терроризмом ...

...[заявитель] приехал в Россию с целью осуществления трудовой деятельности, он не искал убежища при пересечении границы, и, следовательно, не нуждался в убежище в момент пересечения границы.

Рассмотрение дела [заявителя] показало, что в инциденты с применением насилия он вовлечен не был, в политических, религиозных, военных и общественных организациях не состоял, ранее за получением статуса беженца на территории России не обращался. [Заявитель] не привел никаких фактов его преследования или угроз со стороны узбекских властей на основании какого-либо из вышеперечисленных признаков. На вопрос о том, находился ли он в розыске полиции или правоохранительных органов в каких-либо государствах, он ответил положительно. Привести какие-либо конкретные примеры прямых угроз в свой адрес он не смог.

Материалы дела [заявителя] не содержат доказательств угроз его жизни в [Узбекистане]; [заявитель] не приводит никаких фактов совершенного в отношении него насилия.

Его заявление о том, что он будет подвергнут уголовному преследованию, не может служить основанием для предоставления ему статуса беженца».

16. 30 июля 2018 года Правобережный районный суд г. Липецка отказал в удовлетворении жалобы адвоката заявителя на отказ миграционных органов в рассмотрении его ходатайства о предоставлении статуса беженца по существу.

17. 15 октября 2018 года Липецкий областной суд оставил данное решение без изменений.

С. Депортация заявителя

18. В период с 20 июня по 4 июля 2018 года адвокат заявителя в Липецкой области Р. безуспешно обращалась с запросами об удостоверении выданной тюремной администрацией доверенности на ее имя. В ее запросах было отказано на основании того, что «требовалось присутствие [заявителя] в офисе начальника» и в связи «с отсутствием должностных лиц администрации в настоящий момент». Она смогла получить заверенную доверенность, только 4 июля 2018 года.

19. 5 июля 2018 года Р. запросила копию постановления о депортации, направив запрос в органы по вопросам миграции г. Липецка. Они устно сообщили ей, что решение о депортации заявителя было принято, и что оно будет вручено ему на следующий день – 6 июля 2018 года.

20. 6 июля 2018 года Р. вновь безуспешно попыталась получить копию постановления о депортации (см. пункт 31 ниже).

21. 6 июля 2018 года Управление Министерства внутренних дел по Липецкой области (далее — «УМВД по Липецкой области») вынесло решение о депортации заявителя. В решении содержалась ссылка на решение Министерства юстиции о нежелательности его пребывания в России. Копия решения о депортации была вручена заявителю в аэропорту незадолго до его депортации. Заявитель был депортирован в тот же день.

22. Со слов адвокатов заявителя, они не могли связаться с заявителем в день его депортации, и им ничего не было известно о его местонахождении до 17 июля 2018 года.

23. 10 июля 2018 года адвокат заявителя получил копию решения о депортации от органов по вопросам миграции.

24. 11 июля 2018 года органы по вопросам миграции Липецкой области сообщили адвокату заявителя о том, что заявитель был депортирован 6 июля 2018 года поздно вечером из Международного аэропорта Домодедово в Москве.

25. 30 июля 2018 года Правобережный районный суд г. Липецка отказал в удовлетворении заявления адвокатов заявителя о признании постановления о депортации незаконным и об обязанности МВД отменить его. 15 октября 2018 года Липецкий областной суд оставил данное судебное решение без изменений.

Д. Ходатайства адвоката заявителя о применении Судом обеспечительных мер

26. В период с 28 июня по 6 июля 2018 года адвокаты заявителя подали пять ходатайств о применении Судом обеспечительных мер (28 и 29 июня, 5 июля и два ходатайства 6 июля 2018 года). Первые четыре ходатайства не сопровождались копией решения о депортации в отношении заявителя, которое обосновывало бы утверждения заявителя и на основании которого Суд мог бы указать Властям на применение обеспечительной меры. Только 6 июля 2018 года адвокаты заявителя пояснили, что органы по вопросам миграции отказались предоставить им копию решения о депортации в отношении заявителя. Суд удовлетворил их ходатайство в свете этих замечаний.

27. Вместе с ходатайствами в соответствии с правилом 39 Регламента Суда адвокаты заявителя также представили, в частности:

- (i) копию ходатайства заявителя от 27 июня 2018 года о предоставлении статуса беженца;
- (ii) жалобу от 27 июня 2018 года на решение о признании пребывания заявителя в России нежелательным;
- (iii) заявление от 27 июня 2018 года в национальный суд о применении мер предварительной защиты;
- (iv) уведомление Р. от 5 июля 2018 года органам по вопросам миграции о находящемся на рассмотрении ходатайстве заявителя о предоставлении статуса беженца и его жалобе на решение, в соответствии с которым его пребывание в России было признано нежелательным;
- (v) отчет Р. от 6 июля 2018 года о ее телефонных разговорах и личных встречах с сотрудниками миграционной службы 5 и 6 июля 2018 года.

Е. События 6 июля 2018 года в день депортации заявителя

1. Версия заявителя о событиях

28. 23 июля 2018 года адвокат заявителя в Узбекистане г-жа Рак. допросила его в следственном изоляторе. Согласно показаниям, полученным от заявителя, 6 июля 2018 года при его освобождении из исправительной колонии его встретили трое мужчин в штатском. Они заставили его

признать и подписать официальный отказ от своего ходатайства о предоставлении статуса беженца, а также нецензурно выражались в его адрес. Затем они надели на него наручники и отвели в машину, и он попросил их прекратить ругаться, так как он был мусульманином. Затем они втолкнули его в машину и начали избивать, надев на него черную маску с отверстиями для глаз задом наперед. Они поехали в аэропорт, примерно через час остановились, чтобы сходить в туалет, и сняли маску после того, как он сказал им, что будет сохранять спокойствие. В течение остальных двух с половиной часов его везли без маски, но в наручниках. Около 10:00 они остановились возле леса, его приковали наручниками к дереву, один из мужчин охранял его, а двое других отдыхали в автомобиле. В течение примерно шести-восьми часов он стоял таком положении, подвергаясь укусам комаров, и ему не давали ни есть, ни пить. После этого они стали ездить по разным аптекам в поисках лекарств, которые требовалось купить мужчинам. После этого около двух часов он сидел в машине возле леса. Когда они прибыли в аэропорт, заявителя зарегистрировали на рейс и доставили в самолет, где его встретили два других человека в штатском, говорящих по-узбекски. Они не представились. Они надели на него наручники, надели на него мешковатую маску и забрали его вещи. Он не мог ничего видеть на борту, но слышал, что там были другие пассажиры, мимо которых его провели в наручниках. Когда самолет начал выруливать на взлет, он попросил снять наручники. Вместо этого его отвели в хвост самолета, где несколько раз ударили. Ему приказали ни с кем не разговаривать и никуда не смотреть. Примерно через тридцать-пятьдесят минут с него сняли маску, дали еду, и он впервые поел в тот день. Затем [сотрудники] обыскали его вещи и допросили.

29. Адвокаты заявителя также представили записку заявителя, написанную от руки, в адрес г-жи Трениной, в которой он просил ее сообщить Суду о том, что он будет настаивать на своей жалобе по статьям 3 и 34. В записке содержался краткий отчет о предполагаемом обращении с ним до депортации, изложенный в пункте 28 выше.

2. Применение обеспечительных мер Европейским Судом

30. 6 июля 2018 года около 20:00 по московскому времени Европейский Суд удовлетворил ходатайство адвоката заявителя о применении обеспечительной меры и указал Властям России не осуществлять депортацию заявителя в Узбекистан на срок до 17 июля 2018 года. Суд также запросил предоставление Властями дополнительной информации в срок до 12:00 по Страсбургскому времени 11 июля 2018 года.

3. Попытки адвокатов заявителя предотвратить его депортацию

31. Адвокаты заявителя утверждали, что,

«... 6 июля 2018 года, примерно в 10:00, сотрудники исправительной колонии сообщили [адвокату заявителя], что примерно в 05:00 заявителя забрали «сотрудники правоохранительных органов» и «увезли в неизвестном направлении». В

неофициальной беседе с [адвокатом заявителя] они упомянули, что заявителя уведомили сотрудники ФСБ. Должностные лица органов по вопросам миграции сообщили [Р., адвокату заявителя], что они не обязаны незамедлительно предоставлять ей копию решения о депортации в отношении заявителя, и что они могут просто передать его самому [заявителю]. Они также пояснили, что действуют по указанию своего руководства, которое поручило им не передавать [адвокату заявителя] копию решения о депортации. Они сказали, что [адвокат заявителя] получит письменный ответ на свой запрос в течение 30 дней.

Вечером 6 июля 2018 года Правобережный районный суд г. Липецка применил меру предварительной защиты и приостановил действие решения о депортации заявителя, указав, что его «постановление подлежит немедленному исполнению». Рассмотрение дела по существу было запланировано на 23 июля 2018 года, а затем перенесено на 30 июля 2018 года ...

...

... Начиная [с] 5.40. адвокаты заявителя направили сообщения ... полицейским подразделениям аэропортов, ФСБ России и ФСБ по Липецкой области, органам по вопросам миграции Липецкой области и управлению [МВД по Липецкой области] о [применении Правобережным районным судом г. Липецка меры предварительной защиты].

В 20:03 адвокат заявителя был проинформирован о применении обеспечительных мер Европейским Судом в соответствии с правилом 39 Регламента Суда. Адвокат заявителя немедленно осуществил перевод письма Европейского Суда и направил его полицейским подразделениям аэропортов, ФСБ России и ФСБ по Липецкой области, органам по вопросам миграции Липецкой области и управлению [МВД по Липецкой области].

Заявитель был депортирован в 22:45 рейсом из аэропорта Домодедово.

...

... [адвокатам] не удалось встретиться или каким-либо иным образом получить контакт с [заявителем] 6 июля 2018 года. Адвокаты не были уверены относительно его местонахождения или судьбы до 17 июля 2018 года, когда орган по вопросам миграции сообщил подробные сведения и время депортации заявителя [6 июля 2018 года] ...

Единственным ответом, полученным адвокатами заявителя в отношении информации [о применении меры предварительной защиты и обеспечительных мер со стороны национального суда и ЕСПЧ соответственно], было письмо из управления ФСБ по Липецкой области от 25 июля 2018 года, в котором сообщалось, что информация принята к сведению ...»

32. 6 июля 2018 года Правобережный районный суд г. Липецка удовлетворил ходатайство Р. и обязал МВД Липецкой области приостановить депортацию заявителя до рассмотрения его апелляционной жалобы на постановление о депортации. Суд распорядился направить копию своего решения в МВД Липецкой области и постановил, что решение «подлежит немедленному исполнению». В ответ на запрос Правобережного районного суда г. Липецка от 28 ноября 2018 года МВД Липецкой области ответило, что уведомление было получено 6 июля 2018 года после окончания рабочего времени и рассмотрено по существу 9 июля 2018 года.

4. Ответ Властей на указание Суда о применении промежуточных мер

33. 11 июля 2018 года Власти, со ссылкой на полученное от

Европейского Суда письмо от 9 июля 2018 года, сообщили Суду, что заявитель был депортирован в Узбекистан 6 июля 2018 года, что время, предоставленное Судом для представления дополнительной информации и документов, было недостаточным, и что они будут представлены после получения от компетентных государственных органов. 13 июля 2018 года в свете информации, полученной от Властей, Суд принял решение прекратить применение обеспечительной меры в отношении заявителя и снять предоставленную ему анонимность.

Е. Иные производства, связанные с депортацией заявителя

34. 25 июля 2018 года управление ФСБ по Липецкой области подтвердило получение ходатайства адвоката заявителя о приостановлении его депортации с учетом обеспечительной меры, примененной Европейским Судом.

35. 25 июля 2018 года адвокаты заявителя подали жалобу (сообщение о преступлении) в Следственный комитет Российской Федерации о незаконной депортации заявителя 6 июля 2018 года и о жестоком обращении с ним во время перевозки. Они утверждали, в частности, что заявителя везли в маске с отверстиями для глаз, надетой задом наперед, били кулаками и держали прикованным наручниками к дереву в течение длительного периода времени. В письме от 12 октября 2018 года МВД Липецкой области ответило, что физическая сила в отношении заявителя при его депортации не применялась. В письме от 11 февраля 2019 года прокуратура Липецкой области указала, что депортация заявителя была осуществлена в соответствии с законом, что компетентные органы не были уведомлены о каких-либо мерах, которые могли бы предотвратить его депортацию, и что не было установлено каких-либо фактов, которые «бесспорно свидетельствовали бы о нарушении прав [заявителя]».

36. 21 февраля 2019 года управление Следственного комитета Российской Федерации по Липецкой области возбудило доследственную проверку в связи с жалобой на предполагаемое жестокое обращение с заявителем.

37. 24 февраля 2019 года доследственная проверка была продлена до 23 марта 2019 года в связи с необходимостью сбора дополнительных документов и проведения дополнительных следственных действий. В частности, в постановлении о продлении срока доследственной проверки следователь указал, что «объяснения» по обстоятельствам, изложенным в жалобе от 25 июля 2018 года, должны быть получены от сотрудников П. и М. МВД Липецкой области и сотрудников исправительной колонии ИК-2 Липецкой области; что решения судов, касающиеся депортации заявителя и производства по вопросу предоставления ему статуса беженца, должны быть включены в материалы проверки вместе с ответами пограничной службы ФСБ в аэропорту Домодедово и соответствующих государственных органов Узбекистана на следственные запросы.

38. По состоянию на дату рассмотрения этого дела Суду не было представлено никаких дополнительных сведений об этом производстве.

ПРИМЕНИМОЕ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА

39. Краткое изложение национального законодательства, касающегося депортации, приводится в постановлении Европейского Суда от 6 декабря 2007 года по делу «Лю против России» (*Liu v. Russia*) (жалоба № 42086/05, пункты 35-36).

40. Краткое изложение соответствующего внутригосударственного права касательно порядка рассмотрения заявлений о возбуждении уголовных дел см. в постановлении Европейского Суда от 24 июля 2014 года по делу «Ляпин против России» (*Lyapin v. Russia*), жалоба № 46956/09, пункты 99-100.

ДОКЛАДЫ ПО УЗБЕКИСТАНУ

41. Ссылки на соответствующие доклады органов ООН и международных НПО относительно ситуации в Узбекистане приводятся в постановлении Европейского Суда от 1 марта 2016 года по делу «Холмуродов против России» (*Kholmurodov v. Russia*), жалоба № 58923/14, пункты 46-50, и постановлении Европейского Суда [Комитет] от 7 ноября 2017 года по делу «Т.М. и другие против России» (*T.M. and Others v. Russia*), жалоба № 31189/15, пункт 28.

42. В отношении Узбекистана во Всемирном докладе «Хьюман Райтс Вотч» за 2019 год указано, что были предприняты определенные многообещающие шаги по реформированию ситуации с правами человека в стране; однако предстоит осуществить еще многие реформы. В нем также говорится, что в 2016-18 годах было освобождено небольшое количество лиц, лишенных свободы по политическим мотивам. Кроме того, были описаны отдельные случаи, когда сотрудники служб безопасности были осуждены за пытки и причинение смерти в заключении. Доклад Международной амнистии за 2017/2018 годы указывает на те же тенденции, включая независимость и эффективность судебной системы в качестве приоритетов, установленных властями для системной реформы. В то же время в докладе подчеркивается, что власти продолжают практиковать принудительное возвращение – в том числе посредством процедуры экстрадиции – граждан Узбекистана, определенных как представляющих угрозу «конституционному порядку» или национальной безопасности.

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

A. Предполагаемое нарушение статьи 3 Конвенции (депортация в Узбекистан)

43. Заявитель жаловался, что посредством его депортации в Узбекистан российские власти подвергли его реальному риску жестокого обращения. Он ссылаясь на статью 3 Конвенции, которая гласит:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему его достоинство обращению или наказанию».

44. Власти оспорили данный довод. В частности, они утверждали, что 5 июля 2018 года МВД Липецкой области отказало в удовлетворении ходатайства заявителя о предоставлении ему статуса беженца. Они утверждали, что при принятии этого решения жалоба заявителя относительно риска подвергнуться жестокому обращению в случае его депортации в Узбекистан была полностью рассмотрена и должным образом оценена в свете всех соответствующих обстоятельств его дела.

45. Заявитель настаивал на своей жалобе.

1. Приемлемость жалобы

46. Европейский Суд отмечает, что жалоба заявителя на нарушение статьи 3 Конвенции в связи с его депортацией в Узбекистан не является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Суд также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

2. Существо жалобы

(а) Общие принципы

47. Соответствующие общие принципы, касающиеся применения статьи 3, были недавно изложены Судом в постановлении Большой Палаты по делу «Ф.Г. против Швеции» (F.G. v. Sweden), жалоба № 43611/11, пункты 111-27, ЕСПЧ 2016, а в контексте передачи лиц из России в государства Центральной Азии — в постановлении от 23 октября 2014 года по делу «Мамажонов против России» (Mamazhonov v. Russia), жалоба № 17239/13, пункты 127-37.

(б) Применение указанных принципов в настоящем деле

(i) Наличие достаточных оснований полагать, что заявителю угрожает жестокое обращение

48. Суд отмечает, что в ходе рассмотрения дела о предоставлении статуса беженца заявитель, в частности, утверждал, что его преследовали за экстремизм, и он подвергался риску жестокого обращения в Узбекистане (см. пункты 12-16 выше). Кроме того, в постановлениях об объявлении

заявителя в розыск и о его задержании, а также в запросе о его экстрадиции узбекские власти в качестве соответствующего основания однозначно указывали предъявление заявителю обвинений в совершении преступлений религиозного и политического характера. Таким образом, российским властям были представлены доказательства, способные подтвердить, что заявитель принадлежал к уязвимой группе лиц, которые систематически подвергались в Узбекистане жестокому обращению в нарушение статьи 3 Конвенции, и высылка которых подвергла бы их реальному риску такого жестокого обращения (см. постановление Европейского Суда от 23 октября 2014 года по делу «Мамажонов против России» (*Mamazhonov v. Russia*), жалоба № 17239/13, пункт 140, и последующие дела — постановление Европейского Суда [Комитет] от 3 декабря 2019 года по делу «Н. М. против России» (*N.M. v. Russia*), жалоба № 29343/18; постановление Европейского Суда [Комитет] от 25 июня 2019 года по делу «С.С. и другие против России» (*S.S. and others v. Russia*), жалоба № 2236/16; постановление Европейского Суда [Комитет] от 22 января 2019 года по делу «Б.У. и другие против России» (*B.U. and Others v. Russia*), жалоба № 59609/17; постановление Европейского Суда [Комитет] от 7 ноября 2017 года по делу «Т.М. и другие против России» (*T.M. and others v. Russia*), жалоба № 31189/15). Как следует из материалов дела заявителя, российским властям были представлены достаточно обоснованные жалобы, указывающие на реальную угрозу жестокого обращения.

(ii) Обязательство рассматривать заявления о наличии угрозы жестокого обращения на основе достаточных соответствующих материалов

49. Суд также отмечает, что миграционная служба, рассмотрев ходатайство заявителя о предоставлении ему статуса беженца, не провела тщательного рассмотрения его жалобы. Ее обоснования ограничились общими утверждениями об отсутствии каких-либо рисков для заявителя, и ею не было проведено рассмотрение его жалобы в свете докладов об обращении с лицами, обвиняемыми в экстремистских преступлениях в Узбекистане (см. пункт 15 выше). Кроме того, учитывая отсутствие доступа к документам и его адвокату, а также поспешность, с которой была осуществлена его депортация, Суд считает, что заявитель не имел никакой реальной возможности обратиться в национальные суды для рассмотрения его дела и оценки его жалоб в контексте процедуры получения статуса беженца или депортации (см. пункты 8, 21, 26 и 31 выше). Поверхностное рассмотрение ходатайства заявителя о предоставлении ему статуса беженца вместе с отсутствием какой-либо возможности для заявителя подать жалобу на такое решение или на решение о депортации расчистило путь для депортации заявителя. Таким образом, Суд приходит к выводу, что внутригосударственные органы власти не оценили должным образом жалобу заявителя о риске жестокого обращения в Узбекистане.

(iii) Наличие реальной угрозы жестокого обращения или угрозы для жизни в Узбекистане

50. Поскольку внутригосударственные органы власти не провели надлежащей оценки утверждения заявителя, Суд вынужден отдельно рассмотреть вопрос наличия такой угрозы в отношении заявителя в случае его выдворения в Узбекистан. Суд отмечает, что заявителю было предъявлено обвинение в участии в запрещенной властями Узбекистана религиозной организации. Европейский Суд уже приходил к выводу, что лица, чьей экстрадиции требовали узбекские власти в связи с предъявленными им обвинениям в совершении преступлений религиозного или политического характера, входят в уязвимую группу лиц, которые в случае выдворения в Узбекистан могут быть подвергнуты реальному риску обращения, противоречащего статье 3 Конвенции (см. упомянутые выше постановления по делу Мамажонова (*Mamazhonov*) и последующим делам Н.М. (*N.M.*); С.С. и других (*S.S. and others*); Б.У. и других (*B.U. and others*); Т.М. и других (*T.M. and others*)). Настоящее дело идентично этим делам, учитывая характер предъявленных заявителю обвинений, способ предъявления обвинения в отношении заявителя, способ осуществления депортации и отсутствие достаточных гарантий против незаконных действий органов власти. Суд не находит оснований в настоящем деле отступать от своих предыдущих выводов по данному вопросу. Хотя Суд отмечает некоторые признаки улучшения ситуации, указанные в независимых докладах (см. пункт 42 выше), ничто из представленных сторонами доводов в настоящем деле или соответствующих материалов из независимых международных источников на данный момент не дает достаточных оснований для вывода о том, что эти лица, преследуемые в связи с преступлениями религиозного характера, более не подвергаются такому риску.

(iv) Заключение

51. Соответственно, на основании вышеизложенного Суд приходит к выводу, что депортация заявителя в Узбекистан 6 июля 2018 года представляла собой нарушение статьи 3 Конвенции.

В. Предполагаемое нарушение статьи 3 Конвенции (предполагаемое жестокое обращение до депортации)

52. Заявитель также жаловался в соответствии со статьей 3 Конвенции на то, что он подвергся жестокому обращению во время перевозки в московский аэропорт Домодедово, и что не было проведено эффективного расследования по его заявлениям о жестоком обращении.

53. Власти утверждали, что 6 июля 2018 года, около 06:00, после освобождения заявителя из исправительной колонии сотрудники МВД Липецкой области встретили и сопроводили его в служебном автомобиле в аэропорт Домодедово. В период между освобождением заявителя из

исправительной колонии и пограничным контролем сотрудники МВД Липецкой области, сопровождавшие заявителя, не применяли в отношении заявителя физической силы или иных мер принуждения и/или ограничения свободы. Около 21:00 заявитель был зарегистрирован на рейс Москва-Ташкент и прошел пограничный контроль.

54. Адвокаты заявителя представили показания заявителя, кратко изложенные в пункте 28 выше. Кроме того, они утверждали, что заявитель настаивал на своих жалобах о жестоком обращении во время депортации, и что довод Властей о том, что сотрудники полиции не применяли силу, меры принуждения или ограничения, был необоснованным, поскольку по этому вопросу не было проведено никакого расследования или даже экспертизы. Они утверждали, что расследование, проведенное российскими органами власти по предполагаемым обвинениям в жестоком обращении с заявителем, было неэффективным, поскольку доследственная проверка, начатая 21 февраля 2019 года, не привела к возбуждению уголовного дела, и была продлена до 23 марта 2019 года (см. пункты 35-37 выше).

1. Приемлемость жалобы

55. Суд повторяет, что пункт 1 статьи 35 Конвенции обязывает заявителей сначала использовать средства правовой защиты, которые доступны и достаточны во национальной правовой системе, чтобы обеспечить им получение возмещения за предполагаемые нарушения. Суд отмечает, что из материалов дела не ясно, исчерпал ли заявитель внутренние средства правовой защиты в связи с его жалобой на жестокое обращение во время депортации, а также заявитель не представил Суду никакой информации о незавершенном разбирательстве, его ходе или результатах (см. пункты 37-38 выше). Однако Суд также отмечает, что Власти не утверждали в своих замечаниях, что заявитель не исчерпал внутренние средства правовой защиты в отношении своей жалобы на жестокое обращение в соответствии со статьей 3. В этих обстоятельствах, поскольку Власти, которым было направлено уведомление об этой жалобе и предложено представить свои замечания по ее приемлемости и существу, не подняли этот вопрос в своих замечаниях, Суд не в состоянии вынести по собственной инициативе решение о том, является ли эта жалоба неприемлемой в связи с неисчерпанием внутренних средств правовой защиты (см. аналогичную аргументацию в постановлении Европейского Суда от 2 июня 2016 года по делу «Международный Банк Коммерции и Развития АД и другие против Болгарии» (*International Bank for Commerce and Development AD and Others v. Bulgaria*), жалоба № 7031/05, пункт 131, с дальнейшими ссылками).

56. Европейский Суд далее отмечает, что жалоба заявителя на нарушение статьи 3 в связи с предполагаемым жестоким обращением во время его депортации в Узбекистан и отсутствие эффективного расследования не является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35

Конвенции. Суд также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

2. Существо жалобы

57. Прежде всего, Суд рассмотрит жалобу заявителя на непроведение эффективного расследования в связи с его утверждениями о жестоком обращении.

(а) Процессуальное обязательство государства в соответствии со статьей 3 Конвенции

58. Суд напоминает, что когда лицо выдвигает небезосновательную жалобу о том, что подвергалось жестокому обращению в нарушение статьи 3, положения данной статьи подразумевают то, что требуется проведение эффективного официального расследования, способного привести к установлению личности и наказанию виновных (см. постановление Европейского Суда от 28 октября 1998 года по делу «Ассенов и другие против Болгарии» (*Assenov and Others v. Bulgaria*), Сборник постановлений и решений 1998-VIII, пункт 102).

59. В связи с этим Суд отмечает, что еще 25 июля 2018 года, вскоре после депортации заявителя, заявитель отправил сообщение о преступлении в связи с жестоким обращением с ним в Следственный комитет Российской Федерации. В этом сообщении он подробно описал обстоятельства, при которых была осуществлена его депортация, и жестокое обращение, которому он предположительно подвергся (см. пункт 35 выше). Таким образом, органы власти были обязаны провести эффективное расследование по убедительной жалобе заявителя о жестоком обращении, удовлетворяющее требованиям статьи 3 Конвенции (см. постановление Европейского Суда от 24 июля 2014 года по делу «Ляпин против России» (*Lyapin v. Russia*), жалоба № 46956/09, пункты 125-27) Однако, исходя из материалов дела, Суд отмечает, что в течение почти семи месяцев не было предпринято никаких существенных процессуальных действий для рассмотрения сообщения заявителя о преступлении. Доследственная проверка в связи с жалобой на предполагаемое жестокое обращение в отношении заявителя была начата только 21 февраля 2019 года, а 24 февраля 2019 года она была продлена до 23 марта 2019 года в связи с необходимостью сбора дополнительных документов и проведения дополнительных следственных действий (см. пункты 36- 37 выше). Европейскому Суду не сообщили о том, были ли допрошены сотрудники МВД по Липецкой области или другие лица в связи с предполагаемым жестоким обращением заявителя, были ли проведены необходимые проверки и были ли собраны и изучены документы. Ход и/или результаты этого производства остаются неясными для Суда, учитывая, что стороны не представили никаких доводов или доказательств в этой связи (см. пункт 38 выше).

60. Суд отмечает, что настоящее дело является еще одним примером из ряда российских дел о жестоком обращении с заявителями со стороны полиции, в которых «доследственная проверка» была единственной процедурой, применяемой следственным органом, и при рассмотрении которых Суд последовательно утверждал, что обязательство государства по статье 3 провести эффективное расследование не было выполнено. В частности, Суд установил по этим делам, что сама по себе «доследственная проверка», если за ней не следует «предварительное следствие», является поверхностной и несовершенной процедурой, и в ее рамках невозможно установить обстоятельства дела и виновных в предполагаемых преступлениях (см. упомянутое выше дело Ляпина (*Lyapin*), пункты 133-36, с дальнейшими ссылками и более позднее аналогичное дело — постановление Европейского Суда от 20 ноября 2018 года по делу «Самесов против России» (*Samesov v. Russia*), жалоба № 57269/14, пункт 52, с дальнейшими ссылками).

61. Суд не видит каких-либо оснований для того, чтобы прийти к иному выводу в настоящем деле. Неспособность властей оперативно начать доследственную проверку после сообщения заявителя о преступлении, их бездействие в течение длительного периода и явное отсутствие каких-либо надлежащих процессуальных действий в отношении утверждений заявителя свидетельствуют о том, что эффективная проверка по утверждениям заявителя о предполагаемом жестоком обращении с заявителем не была проведена в соответствии с требованиями статьи 3 Конвенции. Принимая во внимание вышеизложенное, Суд считает, что также имело место нарушение статьи 3 Конвенции в ее процессуальном аспекте.

(b) Предполагаемое нарушение материального аспекта статьи 3 Конвенции

62. Суд отмечает, что стороны спорят о том, применялись ли к заявителю оспариваемые средства принуждения или физическая сила после его освобождения из исправительной колонии и до его прибытия в аэропорт 6 июля 2018 года. Власти отрицали жестокое обращение и не представили никаких документов или записей, касающихся обстоятельств перевозки заявителя в аэропорт Домодедово и обращения с ним во время этой поездки. Заявитель представил показания, которые включали хронологию и описание оспариваемого жестокого обращения. Однако Суд отмечает, что замечания заявителя не содержат ни свидетельских показаний, которые могли бы подтвердить версию событий заявителя, ни медицинских документов или других доказательств, подтверждающих его утверждения.

63. Суд признает, что заявитель, скорее всего, не мог бы обратиться за медицинской помощью или запросить какие-либо документы, касающиеся предполагаемого жестокого обращения с ним, в силу обстоятельств, при которых была осуществлена его депортация (см. пункты 22, 31 и 53 выше). Тем не менее, из-за недостаточности доказательств в материалах дела заявителя Суд не может исключить ни версию событий Властей, ни версию заявителя, и сделать вывод «вне разумного сомнения», что сотрудники,

ответственные за депортацию заявителя, подвергли его обращению, запрещенному статьей 3 Конвенции, как утверждал заявитель (см. аналогичную аргументацию в постановлении Европейского Суда [Комитет] от 23 июня 2020 года по делу «Ужахов и Албагачиева против России» (*Uzhakov and Albagachiyeva v. Russia*); жалоба № 76635/11, пункт 108; постановлении Европейского Суда [Комитет] от 25 июня 2019 года по делу «Затынайко против России» (*Zatynayko v. Russia*), жалоба № 1935/07, пункты 55-8; постановлении Европейского Суда от 17 мая 2016 года по делу «Некрасов против России» (*Nekrasov v. Russia*), жалоба № 8049/07, пункты 90–6; и постановлении Европейского Суда от 11 декабря 2014 года по делу «Хисматуллин против России» (*Khismatullin v. Russia*), жалоба № 33469/06, пункты 57-60).

64. Следовательно, Суд не устанавливает нарушения материального аспекта статьи 3 Конвенции в отношении предполагаемого жестокого обращения с заявителем.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ

65. Заявитель также жаловался на то, что у него не было эффективного внутреннего средства правовой защиты в отношении его жалоб на нарушение статьи 3 Конвенции, касающихся его депортации в Узбекистан и процедуры предоставления статуса беженца, а также жестокого обращения с ним во время депортации. Он ссылаясь на статью 13 Конвенции, которая гласит:

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

66. Суд отмечает, что в жалобе заявителя по статье 13 затрагиваются два аспекта. Они касаются его жалобы на нарушение статьи 3 в связи с его депортацией, а также его жалобы на нарушение статьи 3 о жестоком обращении во время депортации. Суд также отмечает, что жалоба заявителя на отсутствие эффективных внутригосударственных средств правовой защиты в отношении жестокого обращения с ним во время депортации является новым вопросом в настоящем деле, она не была затронута в его первоначальной жалобе, и поэтому она не была коммуницирована Властям, и Власти не прокомментировали ее. Заявитель впервые представил новые доводы по статье 13 Конвенции в связи со своей жалобой на жестокое обращение только в своих замечаниях. Он не предоставил объяснения по вопросу, почему он не подал эту жалобу на более раннем этапе, до коммуникации данного дела Властям. Тем не менее, Суд считает, что эта жалоба может быть рассмотрена в качестве дополнения к его первоначальной жалобе в Суд на нарушение статьи 3 и в принципе может быть рассмотрена вместе с его жалобой на нарушение статьи 13 об отсутствии эффективных средств правовой защиты в отношении его

депортации и процедуры получения статуса беженца (ср. с постановлением Европейского Суда от 6 декабря 2011 года по делу «Рафик Алиев против Азербайджана» (*Rafiq Aliyev v. Azerbaijan*), жалоба № 45875/06, пункты 69-70, с дальнейшими ссылками).

67. Однако, принимая во внимание обстоятельства настоящего дела, доводы сторон и, в частности, свои выводы по статье 3 Конвенции (см. пункты 48-51 и 58-61 выше), Суд считает, что нет необходимости в вынесении отдельного постановления в отношении приемлемости и существа жалобы на нарушение статьи 13 Конвенции по обоим аспектам настоящего дела (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Центр правовых ресурсов от имени Валентина Кымпяну против Румынии» (*Centre for Legal Resources on behalf of Valentin Câmpeanu v. Romania*), жалоба № 47848/08, пункт 156, ЕСПЧ 2014, с дальнейшими ссылками, а также в аналогичном контексте - постановление Европейского Суда от 21 мая 2019 года по делу «О. О. против России» (*O.O. v. Russia*), жалоба № 36321/16, пункт 64).

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 34 КОНВЕНЦИИ

68. Наконец, заявитель жаловался на то, что его депортация являлась нарушением обеспечительных мер, назначенных Судом в соответствии с правилом 39 Регламента Суда. Это заявление, главным образом касающееся нарушения права на подачу индивидуальной жалобы, должно быть рассмотрено с точки зрения статьи 34 Конвенции, которая гласит:

«Суд может принимать жалобы от любого физического лица, любой неправительственной организации или любой группы частных лиц, которые утверждают, что явились жертвами нарушения одной из Высоких Договаривающихся Сторон их прав, признанных в настоящей Конвенции или в Протоколах к ней. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются никоим образом не препятствовать эффективному осуществлению этого права.

69. Пункт 1 правила 39 Регламента Суда предусматривает, что:

«1. По обращению стороны в деле или любого другого заинтересованного лица либо по своей собственной инициативе Палата или в соответствующих случаях Председатель Секции или специально назначенный судья в соответствии с пунктом 4 настоящего правила может указать сторонам на любые обеспечительные меры, которые, по их мнению, следует принять в интересах сторон или надлежащего проведения производства по делу».

А. Замечания Властей

70. Власти утверждали, среди прочего, что российские органы власти не могут нести ответственность за непринятие запрашиваемой меры в связи с тем, что корреспонденция Суда поступила в нерабочее время, а также в нерабочее время специальных дежурств, которые были установлены специально для обработки корреспонденции Суда, касающейся применения правила 39. Они также утверждали, что заявитель и его адвокаты узнали о том, что его пребывание было объявлено нежелательным еще в мае 2018

года, и поэтому адвокаты должны были организовать свою работу таким образом, чтобы они могли заранее подать запрос по правилу 39.

В. Доводы заявителя

71. Адвокаты заявителя утверждали, что они немедленно проинформировали подразделения полиции и пограничную службу во всех аэропортах о назначении Судом обеспечительной меры в отношении заявителя. Они также утверждали, что существующая в настоящее время процедура уведомления соответствующих государственных органов неэффективна, поскольку они осуществляют свою деятельность только в определенные рабочие часы, и она не распространяется на другие часы, когда может быть осуществлена принудительная высылка. Они также утверждали, что российские органы власти намеренно не препятствовали депортации заявителя.

С. Оценка Суда

72. Суд напоминает, что в силу статьи 34 Конвенции Договаривающиеся Государства обязуются воздержаться от каких-либо действий или от бездействия, которые могут помешать эффективному осуществлению заявителем права на подачу индивидуальной жалобы, которое, как последовательно подтверждается, представляет собой краеугольный камень системы Конвенции. Статья 34 будет нарушена, если органы власти государства-участника не примут меры, которые разумно могли бы быть приняты с целью применения обеспечительной меры, указанной Судом. При рассмотрении жалобы на основании статьи 34 в отношении предполагаемого несоблюдения Договаривающимся Государством обеспечительной меры, Суд не будет вновь рассматривать, являлось ли его решение о применении обеспечительной меры верным. Обязанностью именно государства-ответчика является доказать Суду, что обеспечительная мера была соблюдена или, в исключительном случае, что существовало объективное препятствие, которое мешало соблюдению такой меры, и что Власти предприняли все шаги для устранения препятствия и информирования Суда о ситуации (см. постановление Европейского Суда от 3 июня 2010 года по делу «Камалиевы против России» (*Kamaliyev v. Russia*), жалоба № 52812/07, пункты 71-74).

73. Возвращаясь к настоящему делу, Суд отмечает, что события, предшествовавшие депортации заявителя, вызывают беспокойство Суда. В частности, Суд отмечает по меньшей мере две задержки во внутригосударственных производствах, которые были необоснованными и которые произошли не по вине заявителя и которые, по мнению Суда, поспособствовали депортации заявителя, несмотря на обеспечительные меры, указанные Судом. Во-первых, Суд отмечает, что адвокату заявителя Р. по причинам, не зависящим от ее действий, потребовалось две недели,

чтобы получить заверенную доверенность от администрации исправительной колонии, и она получила ее только за два дня до депортации (см. пункт 18 выше). Эта задержка не позволила ей своевременно обратиться от имени заявителя в органы по вопросам миграции и/или национальные суды. Во-вторых, копия решения о депортации была предоставлена заявителю и его адвокатам с опозданием, что, наряду с отсутствием каких-либо официальных разъяснений по данному вопросу со стороны органов по вопросам миграции, не позволило заявителю своевременно представить в Суд обоснованное ходатайство в соответствии с Правилom 39 (см. пункты 8, 19-21 и 26 выше). Суд также находит тревожным тот факт, что местонахождение заявителя в день его депортации было неизвестно, и он был лишен каких-либо контактов со своими адвокатами, которые безуспешно пытались найти его. В дополнение, Суд отмечает, что депортация заявителя произошла, несмотря на постановление национального суда, который приостановил ее осуществление (см. пункт 32 выше).

74. Суд принимает к сведению довод Властей о том, что они получили уведомление от Суда об обеспечительной мере в нерабочее время, а также что у них оставалось очень мало времени для ее надлежащего рассмотрения. Однако, по мнению Суда, в обстоятельствах настоящего дела отсутствие времени не может рассматриваться как объективное препятствие, которое помешало национальным органам власти выполнить указание Суда об обеспечительной мере.

75. В частности, Суд уже указывал на неоднократное неисполнение российскими Властями обеспечительной меры, установленной в соответствии с правилом 39 Регламента Суда в делах заявителей, которые были обвинены в Узбекистане и Таджикистане в совершении преступлений, связанных с экстремизмом или терроризмом и которые исчезли или были незаконно перевезены в эти страны (см. постановление Европейского Суда от 21 мая 2015 года по делу «Мухитдинов против России» (*Mukhitdinov v. Russia*), жалоба № 20999/14, пункт 92, с дальнейшими ссылками). Кроме того, в недавнем деле «О.О. против России» (*O.O. v. Russia*), упомянутом выше, в котором перемещение заявителя в Узбекистан также произошло в ходе исполнения решения о депортации, Суд постановил, что российские Власти не выполнили указание об обеспечительной мере, и ничто объективно не препятствовало его исполнению (см. упомянутое выше постановление по делу «О.О. против России» (*O.O. v. Russia*), пункты 59-63). В этой связи Суд считает, что депортация заявителя в настоящем деле не была результатом предполагаемой медлительности заявителя или нехватки времени для рассмотрения [указания Суда об обеспечительной мере], как утверждали Власти. Поведение внутригосударственных органов власти в отношении заявителя, включая задержки с заверением доверенности и несвоевременное предоставление ему копии решения о депортации, свидетельствует, по мнению Суда, об их твердой решимости депортировать заявителя немедленно после его освобождения из исправительной колонии.

76. Соответственно, в свете вышеизложенных соображений Суд приходит к выводу, что в конкретных обстоятельствах настоящего дела российские органы власти нарушили обеспечительную меру, установленную в соответствии с правилом 39 Регламента Суда, и что они не выполнили свои обязательства по статье 34 Конвенции.

IV. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

77. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Ущерб

78. Заявитель требовал 30 000 евро (EUR) компенсации морального вреда.

79. Власти не представили комментариев в отношении требования заявителя о компенсации морального вреда.

80. Суд признает, что заявителю был причинен моральный вред, который не может быть компенсирован одним лишь фактом установления нарушения. Принимая во внимание серьезность рассматриваемого нарушения и исходя из соображений справедливости, Суд присуждает заявителю 30 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

В. Расходы и издержки

81. Заявитель также требовал 1 200 евро, 1 320 евро и 2 880 евро в счет компенсации расходов и издержек, понесенных в ходе производства в национальных судах и в Европейском Суде его представителями Трениной, Жариновым и Давидян, соответственно.

82. Власти утверждали, что адвокаты заявителя представляли интересы заявителей в аналогичных делах в Суде, что они опирались на прочно утвердившуюся прецедентную практику Суда, и что заявленные суммы не соответствовали выполненной ими работе.

83. В соответствии с прецедентной практикой Суда, заявитель имеет право на возмещение расходов и издержек лишь в той части, в которой было продемонстрировано, что они действительно имели место, были понесены по необходимости и являлись разумными с точки зрения их размера (см., например, постановление Большой Палаты Европейского Суда от 3 октября 2014 года по делу «Жонесс против Нидерландов» (Jeunesse v. the Netherlands), жалоба № 12738/10, пункт 135). В настоящем деле, рассмотрев имеющиеся в его распоряжении документы и вышеуказанные критерии, Суд считает разумным присудить Трениной, Жаринову и Давидян в общей сложности 5 400 евро в качестве компенсации расходов и издержек.

В соответствии с просьбой оплата должна быть произведена непосредственно на счет(а) представителей заявителя, указанный(ые) ими.

С. Проценты за просрочку платежа

84. Суд считает приемлемым, что процентная ставка при просрочке платежа должна быть установлена в размере, равном предельной учетной ставке Европейского Центрального банка, плюс три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Объявил* жалобы на нарушение статьи 3 Конвенции о депортации заявителя в Узбекистан и о жестоком обращении с ним во время депортации 6 июля 2018 года приемлемыми;
2. *Постановил*, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции ввиду депортации заявителя в Узбекистан;
3. *Постановил*, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в ее процессуальном аспекте ввиду отсутствия расследования в отношении жесткого обращения с заявителем во время депортации;
4. *Постановил*, что отсутствует нарушение материального аспекта статьи 3 Конвенции в отношении жесткого обращения с заявителем во время депортации в Узбекистан;
5. *Постановил*, что необходимость в рассмотрении вопроса о приемлемости и по существу жалобы заявителя на нарушение статьи 13 Конвенции во взаимосвязи со статьей 3 Конвенции отсутствует;
6. *Постановил*, что власти государства-ответчика нарушили обеспечительную меру, назначенную Судом в соответствии с правилом 39 Регламента Суда, и тем самым нарушили свои обязательства по статье 34 Конвенции;
7. *Постановил*,
 - (а) что в течение трех месяцев власти государства-ответчика обязаны выплатить указанные ниже суммы, переведенные в валюту государства-ответчика по курсу, установленному на день выплаты:
 - (i) 30 000 (тридцать тысяч) евро, включая любой налог, которым может облагаться данная сумма, в качестве компенсации заявителю морального вреда;
 - (ii) 5 400 (пять тысяч четыреста) евро в общей сложности, включая любой налог, которым может облагаться данная сумма, непосредственно на счет представителей заявителя - Трениной, Жаринову и Давидян, в качестве возмещения расходов и издержек;

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПО ДЕЛУ «ЮСУПОВ ПРОТИВ РОССИИ» (YUSUPOV v. РОССИИ)

- (б) что с момента истечения вышеуказанного трехмесячного срока до момента выплаты компенсации на данную сумму начисляются простые проценты в размере, равном предельной учетной ставке Европейского центрального банка в течение периода просрочки, плюс три процентных пункта.

Составлено на английском языке; уведомление о постановлении направлено в письменном виде 1 декабря 2020 года в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Ольга Чернышова
Заместитель Секретаря секции

Дариан Павли
Председатель